

Rudenko, Jelena

Деривация, эвалкуативная морфология и национальная идентичность

Linguistica Brunensia. 2013, vol. 61, iss. 1-2, pp. [135]-148

ISBN 978-80-210-6254-2

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/127156>

Access Date: 19. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЕЛЕНА РУДЕНКО

ДЕРИВАЦИЯ, ЭВАЛЮАТИВНАЯ МОРФОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Abstract

The article is devoted to the factors that determine the lexicon renewal. Linguistic, sociolinguistic, and psycholinguistic factors are set. Linguistic factor is language means denoting new concepts, sociolinguistic one is social conditions of language functioning, in particular, contact with other languages, and psycholinguistic one is speakers' understanding of sociolinguistic situation. Each of these factors is considered on the example of the Belarusian language. When language tools are used as markers of national identity, specific features, especially, specific means of nomination are consumed more often than general ones, which coincides with the other language. Besides, evaluative units are chosen first of all from specific tools. Diminutives and augmentatives are of particular role among them. They are the best ethnic markers – Belarusian examples are given below.

Key words

Factors of the lexicon renewal; derivation; nomination; evaluative morphology; national identity; diminutive; augmentative.

1. Введение

На протяжении нескольких лет я сотрудничала с университетом им. П.Й.Шафарика (Кошице, Словакия), в частности с профессором Павлом Штекауэром: в рамках проекта по исследованию словообразования в разных языках, руководимого П.Штекауэром, я обеспечивала информацию о способах номинации в белорусском языке. Результаты проекта представлены в публикации: Pavel Stekauer, Salvador Valera, Livia Körtvélyessy. *Word-Formation in the World's Languages: A Typological Survey*. Cambridge, 2012. 366 p. Прделанная мною для названного проекта работа легла в основу данной статьи, цель которой – проанализировать этническую функцию диминутивов и аугментативов в контексте средств номинации отдельного (в нашем случае – белорусского) языка.

2. Факторы, обуславливающие характер пополнения лексикона

Пополнение лексикона и характер вновь входящих в язык слов обусловлен тремя факторами: собственно лингвистическим, социолингвистическим и психолингвистическим.

Под **собственно лингвистическим** фактором подразумеваются типологические черты языка, влияющие на формирование лексикона, а именно морфологический тип и связанный с ним показатель – преобладающий способ номинации. Белорусский язык синтетический, этим обусловлен характер пополнения его лексикона. Встречается сложение (compounding: *генерал-маёр* ‘генерал-майор’, *землякоп* ‘землекоп’, *сценгазета* ‘стенгазета’), в том числе сложение усеченных основ (compounding of clipped stems: *філфак* < *філ(алагічны) фак(ультэт)* ‘филологический факультет’) и аббревиация (abbreviation: *БДУ* < *Б(еларускі) д(зяржаўны) у(ніверсітэт)* ‘Белорусский государственный университет’); конверсия (conversion: *малады* ‘молодой’ → ‘жених’), универбация (blending: *маторная лодка* → *маторка* ‘моторная лодка’, усечение (clipping: *універсітэт* → *універ* ‘университет’, *мабільны тэлефон* → *мабіла* ‘мобильный телефон’), однако преобладающий способ номинации – аффиксация, в первую очередь суффиксальная и префиксально-суффиксальная деривация (*мяжа* ‘граница’ > *межаваць* ‘граничить’, *бязмежны* ‘безграничный’, *памежжа* ‘пограничье’).

При исследовании деривационных характеристик белорусского языка оценивались не только системные, но и функциональные показатели. Продуктивность конкретных способов номинации (в том числе и конкретных способов морфемной деривации) в том или ином языке на современном этапе его развития объективно оценивается по данным корпусной лингвистики. В частности, для современного белорусского языка такие данные были получены на основе постоянного мониторинга белорусскоязычных текстов разных стилей и жанров, цель которого – выявление слов, не зафиксированных в толковых словарях (проект осуществлялся на протяжении 2006–2010 гг. научно-исследовательской лабораторией интеллектуальных информационных систем факультета прикладной математики Белорусского государственного университета), а также данных поисковых систем белорусскоязычного Интернета.

Первый вывод, который вытекает из анализа реестра слов, не зафиксированных словарями, – это вывод о том, что большую часть новых номинаций составляют так называемые потенциальные слова. Потенциальные слова заполняют пустые клетки словообразовательных парадигм и образуются по продуктивным словообразовательным моделям. Словообразовательные парадигмы имеют прогнозирующую силу. Так, если мы знаем, что в типовую словообразовательную парадигму входят слова с тем или иным деривационным значением, мы можем ожидать их появления от любого слова той или иной лексико-семантической группы. Далеко не все такие регулярные образования фиксируются словарями, в первую очередь по причине их ре-

гулярности и „самоочевидности“. Например, в белорусском языке названия детенышей активно создаются от любых, даже самых редких, названий животных. Вот некоторые из таких названий, не зафиксированные в толковых словарях: *аленянё* ‘оленок’, *арлянё* ‘орленок’, *аслянё* ‘осленок’, *бабранё* ‘бобренок’ – в список попали также *негрыцянё* ‘негритенок’ и *цыганё* ‘цыганенок’.

Сравнивая типовые словообразовательные парадигмы разных частей речи и разных группировок слов в рамках одной части речи, можно выявить и сопоставить их словообразовательный потенциал. Соотносительная оценка словообразовательного потенциала разных групп слов помогает оценить относительную продуктивность разных моделей, „жизнеспособность“ конкурирующих наименований одного и того же явления. В рамках такого сопоставления может быть оценена распространенность дериватов с конкретными аффиксами, соотносительная употребительность разных корней в новообразованиях и т.д. Такая оценка, причем по двум параметрам: а) количество единиц, образованных по определенной словообразовательной модели; б) количество контекстов с каждым таким словом и со словами той или иной словообразовательной модели, – осуществима при наличии полного корпуса новых слов (прямого и обратного) и объемного корпуса контекстов.

Примером разной продуктивности словообразовательных моделей могут служить абстрактные существительные белорусского языка с финалями *-асць* и *-нн-е*. С суффиксом *-асць (-осць)* найдено 450 существительных, не зафиксированных словарями, с *-нн-е* – 1150. Такие данные коррелируют с данными о ранее закрепившихся в белорусском литературном языке лексемах: существительных с финалью *-нн-е* в 2,1–2,2 раза больше, чем с суффиксом *-асць (-осць)*. Употребительность существительных обеих моделей в текстах отличается незначительно, в то время как она существенно варьируется от одной лексемы к другой в рамках одной модели. Например, лексема *лабіраванне* ‘лоббирование’ встречается в корпусе белорусских текстов в 20 раз чаще, чем *дудзенне* ‘дудение’.

Продуктивность словообразовательной модели по сравнению с конкурентной является немаловажным фактором в закреплении/ незакреплении нового слова. Например, в белорусском языке не зафиксированных словарями глаголов на *-ць* около 1000, в то время как глаголов на *-ці* только 10, причем все они – префиксальные модификации существующих лексем.

Потенциальные слова – регулярные члены словообразовательных парадигм и цепочек – преобладают в любом языке, однако их удельный вес варьируется от языка к языку и для разных частей речи в одном языке. Например, практически все новые белорусские наречия с суффиксом *-а* – это регулярные производные соответствующих прилагательных (*вынікова* – *выніковы* ‘результативный’ и мн.др.).

Для не зафиксированных в словарях белорусских глаголов (их найдено около 1000) характерна иная картина. Дело в том, что семантика глагола

синтетических языков демонстрирует уникальное, в сравнении с другими частями речи, соотношение между лексическим и грамматическим значением: вербализация потенциальных членов глагольных цепочек – это в первую очередь аффиксальные образования, которые изменяют и лексическое, и грамматическое значение глагола, – речь идет о категориях вида и залога. Такие аффиксальные дериваты уже существующих глаголов составляют 4/5 общего числа (*сёрбаць* ‘хлебать’ – *адсёрбаць*, *адсёрбваць*, *дасёрбаць*, *дасёрбваць*; *заправіць* ‘заправить’ – *дазаправіць*, *дазаправіцца* и под.).

Остальные 200 не зафиксированных в толковых словарях белорусских глаголов – новообразования в собственном смысле этого слова. Из этих двухсот 60 составляют заимствования (в том числе кальки): многие из них интернационализмы – *ініцыіраваць* ‘инициировать’, *крэміраваць* ‘кремировать’ и под. Еще 85 – образования от заимствованных (интернациональных) корней или слов (*рэпартажэрстваваць* ‘репортерствовать’, *старнаваць* ‘сторнировать’ и под.) и 50 – собственные образования (*ведзьмаваць* ‘быть ведьмой’, *спаталяць* ‘утолять’ и др.). Таким образом, если судить по удельному весу заимствований среди новых глаголов, белорусский язык на современном этапе развития открыт для влияний извне и абсолютно не склонен к пуризму.

Еще один фактор, обуславливающий характер номинации в языке, – **социолингвистический**. Некоторые социальные и социолингвистические процессы, как-то: глобализация, развитие новых технологий и появление связанных с ними новых реалий, экспансия английского языка – релевантны для большинства современных обществ и используемых ими языков. Специфика влияния социальных условий на развитие того или иного языка – во взаимодействии между соседствующими языками, между языками и языковыми образованиями внутри социума.

Для белорусского языка специфическим социолингвистическим фактором, обуславливающим направление и характер изменения лексикона, является взаимоотношение с русским и, в меньшей степени, с польским языком. Как известно, в Беларуси два государственных языка – близкородственные белорусский и русский. Не затрагивая проблем языковой ситуации в Беларуси (характер белорусского двуязычия, наличие „трясянки“ – русско-белорусского смешанного подъязыка и под.), коснемся лишь аспектов, связанных с номинацией. Генеалогической, ареальной и типологической близостью белорусского и русского языков обусловлено наличие значительного общего лексического фонда, который постоянно пополняется. Например, 20 новых заимствованных глаголов-интернационализмов белорусского языка – общие с русскими (бел. *курураваць* – рус. *куруровать* и др.), еще 30 прямо заимствованы из русского (бел. *прапахваць* < рус. *пропахивать*); из 85 дериватов от заимствованных интернациональных корней и слов 70 – общие с русскими (бел. *(ад)ксерыць* – рус. *(от)ксерить* ‘сделать копию’ < бел. *ксеракс* – рус. *ксерокс* ‘копировальная машина’ ← ‘хегох’ и др.); из 50 новых глаголов, образованных на базе собственных средств, 15 общих с русским языком (бел. *выцыганыць* – рус. *выцыганить* ‘выпросить’ < *цыган* и др.).

Русский язык – язык соседнего сильного государства – в Беларуси занимает доминирующую позицию в наиболее важных сферах употребления. В силу этого в белорусском языке многочисленны прямые заимствования (30) и кальки (10 из 200 неологизмов-глаголов) из русского, как, например, бел. *задзейнічаць* – калька рус. *задействовать*.

Психолингвистический фактор, обуславливающий характер развития лексикона (он, по-видимому, всегда идиоэтничен), – это способ осмысления коллективным сознанием носителей языка социолингвистических условий его функционирования. Для носителей белорусского языка эти условия реализуются в разнонаправленных психолингвистических процессах: (I) влияние русского языка на механизмы словотворчества; (II) отталкивание от русского языка при создании новых лексем.

(I) Помимо прямых заимствований и калек влияние русского языка проявляется в:

а) новых словообразовательных вариантах уже существующих в белорусском языке слов – такие варианты порождаются по русским словообразовательным моделям или прямо заимствуются из русского языка; таково, например, новообразование *апеліраваць* ‘апеллировать’ (ср. рус. *апеллировать*) в сравнении с уже существующим *апеляваць*; *браканьєрстваваць* (ср. рус. *браконьерствовать*) – бел. литерат. *браканьєрыць* и под.

б) новых значениях уже существующих в белорусском языке слов или их дериватов, например *загваздаць* ‘выпачкать’, ср. рус. *изгвоздать* ‘выпачкать’, в то время как бел. *гваздаць* имеет только значение ‘с силой бить, ударять’.

в) в силу того, что русский язык часто служит образцом для создания аналогичных слов в белорусском языке, в силу активного заимствования и калькирования русских слов, а также того, что новые слова часто полностью совпадают или очень похожи в обоих языках, даже новообразования с иноязычными (не русскими) корнями и формантами, производят впечатление русскоязычного влияния. О многих дериватах от заимствований невозможно сказать, пришли ли они в белорусский язык из русского или появились одновременно как элемент общего фонда.

(II) Осознание факта сосуществования двух близких, но разных языков на одной территории приводит к стремлению развести их и, соответственно, отдалить порождаемые белорусские лексемы от номинационного фонда русского языка. Это проявляется в:

а) новых словах с иными словообразовательными формантами, чем их соответствия в русском языке, см., например, новообразование *кلیкушнічаць* ‘кликшествовать’ < бел. *клікуша*, ср. рус. *кликшествовать* < *кликша*.

б) в пуристические процессы расподобления могут быть вовлечены целые словообразовательные модели. Этим вызвана, например, активность образования прилагательных с суффиксом *-ов-* (*-ав-*, *-ев-*) в сравнении с образованием прилагательных с суффиксом *-н-*. Многие белорусские нормативные прилагательные с суффиксом *-н-*, если они соответствуют русским

прилагательным, заменяются словообразовательными вариантами – однокоренными прилагательными с суффиксом *-ов-* (*-ав-*, *-ев-*, *-ёв-*): *авангардовы* – *авангардны* ‘авангардный’, *быццёвы* – *быццыйны* ‘бытийный’, *моладзевы* – *маладзёжны* ‘молодежный’ и под. При помощи суффикса *-ав-* активно образуются новые слова: *адпачынкавы* ‘отпускной’, *натоўпавы* ‘присущий толпе’, *наўпроставы* ‘прямолинейный’ и под. Несмотря на рост продуктивности суффикса *-ов-* (*-ав-*, *-ев-*, *-ёв-*), значительная часть прилагательных продолжает образовываться при помощи суффикса *-н-*: *гарбатны* ‘чайный’, *радыйны* ‘радиационный’; *адрозны* ‘отличный, иной’, *заўважны* ‘приметный’ и др.

В реестре новой лексики прилагательных с суффиксом *-ов-* (*-ав-*, *-ев-*, *-ёв-*) более 600, а прилагательных с суффиксом *-н-* в пять раз больше, что вызвано относительно „молодой“ сверхпродуктивностью суффикса *-ов-* (*-ав-*, *-ев-*, *-ёв-*) в сравнении с устоявшейся употребительностью суффикса *-н-*. Корпус текстов позволяет сопоставить употребительность новообразований типа *спартовы* и соответствующих литературных вариантов типа *спартыўны* ‘спортивный’. Суффикс *-н-* безусловно употребительнее: в зависимости от стиля и типа издания от нескольких до десятков раз.

Рассмотренные разнонаправленные тенденции приводят к одному результату – расшатыванию нормы и возрастанию вариативности. Это проявляется и в дублетности словообразовательных средств (ср. множество параллельных образований с суффиксами *-ава-/ірава-*), и в возникновении нескольких конкурентных калек (ср. новообразование *ухліць* ‘устранить’ с более ранним *устараніць*), и просто в лексическом и деривационном варьировании (*пляткарыць/плеткаваць* ‘сплетничать’).

3. Средства номинации и национальная идентичность

Таким образом, три фактора определяют характер новой лексики языка: собственно лингвистический, социолингвистический и психолингвистический. Из них последний – психолингвистический – наиболее национально специфичен и вследствие этого наименее предсказуем. Если собственно лингвистический и социолингвистический факторы допускают рубрикацию и типологию, то влияние этих факторов на языковое сознание, способ их осмысления и выводы носителей языка, а также результаты этого осмысления, проявившиеся в языковой компетенции и речевой практике говорящих могут быть исследованы только применительно к отдельно взятому языку.

Тем не менее некоторые явления, обусловленные психологией носителей языка или вариантов языка, поддаются обобщению. Например, отмеченная выше тенденция, заключающаяся в том, что *при осознании и употреблении языка (или варианта языка) как маркера национальной идентичности от-*

личное, специфическое запоминается активнее и употребляется чаще, чем общее, совпадающее с другим языком, представляется весьма распространенной. Это свойственно не только носителям белорусского языка по отношению к близкородственному русскому, но характерно и для психологии носителей других языков и языковых образований. Изучая чужой язык, мы стремимся запомнить и активно употреблять такие характерные „черточки”; говоря на языке, утверждающем нашу национальную идентичность, мы стремимся как можно более полно представить его как идиотичный и своеобразный феномен. Это касается всех подсистем языка, в том числе и механизмов номинации. Приведенные выше белорусские примеры с конкурентными атрибутивными суффиксами *-ов-* (*-ав-*, *-ев-*) и *-н-* подтверждают это как нельзя лучше.

Высказанная выше мысль влечет за собой еще одну, также касающуюся роли языка как этнического маркера. *При осознании и употреблении языка (или варианта языка) в роли этнического маркера из отличных, специфических средств выбираются в первую очередь оценочные, коннотированные, а не нейтральные единицы.*

4. Диминутивность и аугментативность

Приступая к анализу диминутивов и аугментативов, я столкнулась с рядом трудностей, первой из которых стало отсутствие дефиниции диминутива и аугментатива на белорусском языке. Обратившись к русскоязычной лингвистической традиции, я выяснила, что объем понятия в разных словарях сильно отличается:

Диминутив (деминутив) (лат. *di-*, *deminutivus* ‘уменьшительный’) – слово с аффиксом, придающим значение уменьшительности (*бел-еньк-ий, зайч-ишк-а, зеркаль-ц-е, пострел-ёнок*).

Аугментатив (лат. *augmentum* ‘увеличение’) – слово с аффиксом, придающим значение увеличительности (*большущий, жарыща, домина; ВАРБОТ, ЖУРАВЛЕВ 1998*).

Диминутив — м. уменьшительное имя (ЕФРЕМОВА 2000).

Деминутив (лат. *deminutio* ‘уменьшение, сокращение’) – лингв. уменьшительная или ласкательная форма существительного либо прилагательного (напр., *домик, беловатый*); термин д. иногда используется также по отношению к глаголам (напр., *покашливать*; КОМЛЕВ 2006).

Попытка отобрать диминутивы и аугментативы показала недостаточность всех имеющихся русскоязычных определений. Первая из возникающих проблем – невозможность отграничить диминутивы и аугментативы от категории количества в целом. Например, будут ли относиться к аугментати-

вам и диминутивам такие образования, как бел. *максі-спадніца* ‘макси-юбка’, *звышактыўны* ‘сверхактивный’, *высакаякасны* ‘высококачественный’; *міні-кватэра* ‘мини-квартира’, *мікрасхема* ‘микросхема’, *малаадукаваны* ‘малообразованный’, *нізкакаларыйны* ‘низкокалорийный’? Знакомство со специальными исследованиями, посвященными диминутивам и аугментативам (см. в библиографии ИВАНОВ, СУПРУН-БЕЛЕВИЧ 2009 и др.) позволило жестче определить диминутив и аугментатив, прибавить к их характеристикам следующие черты:

I) наличие диминутивной или аугментативной морфемы, т.е. морфемы с семантикой уменьшения или увеличения в самом широком смысле этого слова;

II) оценочное значение.

Семантика диминутива/ аугментатива обусловлена диминутивной/ аугментативной морфемой, которая передает значения: а) уменьшения/ увеличения; б) оценки. При этом, как это ни парадоксально, семантика уменьшительности/ увеличительности факультативна, см. русский пример: *Через недельку уже морозик будет*, – где *морозик* имеет семантику уменьшения, а уж *неделька* – никак нет. Оценочная семантика, напротив, обязательна: бел. *сонейка*, как и рус. *солнышко*, вовсе не маленькое, хотя **вялізнае сонейка* ‘огромное солнышко’ невозможно.

Все диминутивные и аугментативные аффиксы (но не бел. *міні-/максі-*, *звыш-* и под.) имеют дополнительные оценочные значения: диминутивные именные суффиксы – ласкательное, аугментативные именные – грубое, пренебрежительное, аугментативные атрибутивные – интенсивность, степень и др., и все они стилистически ограничены. Глагольные аффиксы изменяют видовое значение, и они также ограничены стилистически (*папа-*, *па-+-ва-*, *аб-+-ся* и под.). Выявленное ограничение дало возможность составить следующую таблицу диминутивных и аугментативных аффиксов белорусского языка.

Таб. 1: Диминутивные и аугментативные аффиксы белорусского языка

Часть речи	Dim/ Aug	Аффиксы, примеры
Существительные	Dim	Суффикс <i>маск</i> : -ік (-ык) – <i>нос</i> – <i>нос-ік</i> ‘нос - носик’ -чык – <i>дыван</i> – <i>дыван-чык</i> ‘ковер - коврик’ -ок (-ёк, -ак) – <i>дом</i> – <i>дам-ок</i> ‘дом – домик’ -ук – <i>хлопец</i> – <i>хлопч-ук</i> ‘парень – мальчик’ -чук – <i>хлеў</i> – <i>хляў-чук</i> ‘хлев – маленький хлев’
		<i>фем</i> : -к-а – <i>дарог-а</i> – <i>дарож-к-а</i> ‘дорога – дорожка’ -інк-а (-ынк-а) – <i>іскра</i> – <i>іскр-ынка</i> ‘искра – искринка’ -ушк-а – <i>кадзь</i> – <i>кад-ушк-а</i> ‘кадка – кадушка’
		<i>неутр</i> : -ейк-а (-айк-а) – <i>сэрца</i> – <i>сэрца-айк-а</i> ‘сердце – сердечко’ -ца (-ца-о) – <i>папен-а</i> – <i>папен-ца</i> ‘полено – поленце’ -ечк-а (-ачк-а) – <i>гнязд-о</i> – <i>гняздз-ечк-а</i> ‘гнездо – гнездышко’

Часть речи	Dim/ Aug	Аффиксы, примеры
	Aug	Суффикс -ишч-а (-ышч-а) – <i>збан – збан-ишч-а</i> ‘кувшин – кувшинище’, <i>нага – наж-ышч-а</i> ‘нога – ножища’
Глаголы	Dim	Префикс па- ‘осуществить немного какого-л. действия’ – <i>гараваць – па-гараваць</i> ‘горевать’ – ‘погоревать’ пры- ‘осуществить немного какого-л. действия, сделать что-л. в неполной степени’ – <i>жмурыць – пры-жмурыць</i> ‘жмурить’ – ‘прижмурить’ у- ‘сократить(ся), уменьшить(ся) в объеме, количестве и под.’ – <i>сохнуць – у-сохнуць</i> ‘сохнуть’ – ‘усохнуть’ Префикс + суффикс па- + -ва- (-іва-, -ыва-) ‘осуществить немного какого-л. действия, сделать что-то неполностью, не в полной мере’ – <i>світаць – па-свіст-ва-ць</i> ‘свистать’ – ‘посвистывать’
	Aug	Префикс на- ‘сделать много чего-л.’ – <i>садзіць – на-садзіць</i> ‘садить’ – ‘насадить’ па- + prefix ‘сделать много чего-л.’ – <i>пад-крэсліваць – па-пад-крэсліваць</i> ‘подчеркнуть’ – ‘подчеркнуть много, многократно’ папа- ‘сделать много чего-л.’ – <i>гуляць – папа-гуляць</i> ‘гулять’ – ‘погулять много, чрезмерно’ Префикс + постфикс а- (аб-, аба-) + -ца (-ся) ‘сделать много, чрезмерно чего-л.’ – <i>есці – аб’-есці-ся</i> ‘есть’ – ‘объесться’ за- + -ца (-ся) ‘сделать слишком много, чрезмерно чего-л.’ – <i>ляжаць – за-ляжац-ца</i> ‘лежать’ – ‘залежаться’ раз- + -ца (-ся) ‘сделать слишком много, чрезмерно чего-л.’ – <i>бегаць – раз-бегац-ца</i> ‘бегать’ – ‘разбегаться’
Прилагательные	Dim	Суффикс -еньк- (-эньк-, -аньк-) – <i>чыст-ы – чысц-еньк-і</i> ‘чистый’ – ‘чистенький’ -утк- (-ютк-) – <i>чысты – чысц-ютк-і</i> ‘чистый’ – ‘чистенький’ -усеньк- (-юсеньк-) – <i>чысты – чысц-юсеньк-і</i> ‘чистый’ – ‘чистенький’
	Aug	Суффикс -эзн- - <i>высок-і – высач-эзн-ы</i> ‘высокий’ – ‘очень высокий’ -енн- (-энн) <i>высок-і – высач-энн-ы</i> ‘высокий’ – ‘очень высокий’
Наречия	Dim	Употребляются те же суффиксы, что и в прилагательных, но семантика таких суффиксов не только диминутивная или аугментативная
	Aug	

Помимо аффиксов, в восточнославянских языках, в том числе и в белорусском, семантика аугментативности может передаваться редупликацией, однако при этом развивается оценочное значение интенсивности, вы-

сокой степени проявления качества (бел. *вялікі-вялікі* ‘большой-большой’, ср. *малёнькі-малёнькі* ‘очень маленький’).

5. Эвалюативная семантика диминутивов и аугментативов

Роль оценки в семантике диминутивов и аугментативов четче, чем в русскоязычной лингвистической литературе, определена в англоязычной: в рамках т. наз. эвалюативной морфологии через понятие эвалюатив – морфема с оценочным значением.

Эвалюативная морфология берет начало в англоязычной лингвистике с 90-х гг. XX в. Предмет ее исследования – морфологические, чаще словообразовательные средства выражения оценки, или эвалюативности (см. Библиография: работы Грегори Стампа, Виктора Мойзеса Прието и др.).

В рамках эвалюативной морфологии установлены виды оценочных значений. Это позволило соотнести семантические категории эвалюативной морфологии с конкретными аугментативными или диминутивными аффиксами.

Tab. 2: Семантические категории эвалюативной морфологии применительно к диминутивам и аугментативам

<i>Выражаются ли в белорусском языке следующие семантические категории?</i>		<i>Да (+) Нет (-)</i>	<i>Пример</i>
Физическое Количество	Меньше нормы – Diminutives	+	<i>дом – дам-ок</i> ‘дом’ – ‘домик’
	Больше нормы – Augmentatives	+	<i>нага – наж-ышч-а</i> ‘нога’ – ‘ножища’
Количество Качества	Меньше нормы – Diminutives	+	<i>вясёлы – вясёл-еньк-і</i> ‘веселый’ – ‘веселенький’
	Больше нормы – Augmentatives	+	<i>чысты – чыц-юткі</i> ‘чистый’ – ‘очень чистый’ <i>высокі – высач-эзн-ы</i> ‘высокий’ – ‘очень высокий’
Количество Действия	Меньше нормы – Diminutives	+	<i>гараваць – па-гараваць</i> ‘горевать’ – ‘погоревать немного’
	Больше нормы – Augmentatives	+	<i>ляжаць – за-ляжац-ца</i> ‘лежать’ – ‘за-лежаться’
Положит. (Ameliorative) х Отрицат. (Rejorative)	Diminutives	+	<i>новы – нов-еньк-і</i> ‘новый’ + ameliorative (ласкательный, положительный)
	Augmentatives	+	<i>рука – руч-ышч-а</i> ‘рука’ – ‘ручища’ + pejorative (грубый, отрицательный)
Возраст	Молодой – Diminutives	+	<i>валасы – валос-ік-і</i> ‘волосы’ – ‘волосики’ (обычно о детях)
	Старый – Augmentatives	–	
Пол	Женский – Diminutives	+	<i>нос – нос-ік</i> ‘нос’ – ‘носик’ (обычно о женщинах или детях)

<i>Выражаются ли в белорусском языке следующие семантические категории?</i>		<i>Да (+) Нет (-)</i>	<i>Пример</i>
	Мужской – Augmentatives	+	<i>кулак – кулач-ышч-а</i> ‘кулак’ – ‘кулачише’ (обычно о мужчинах)
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ	Несущественный, не- важный – Diminutives	+	<i>тоўсц-еньк-і (часопіс)</i> ‘толстенный журнал’ + diminutive + неважный
	Важный – Augmentatives	+	<i>таўшч-эзн-ы (часопіс)</i> ‘толстый журнал’ + augmentative + важный
HYPOCORISTICS	Гипокористики (умень- шительные имена)	+	<i>Аляксандр – Алесь, Анастасія – Насця</i>

Природа оценки и все проблемы, связанные с лингвистической теорией оценки, не могут обсуждаться в рамках данной статьи. Уместно только напомнить, что оценка бывает общая, объективная (*больше – меньше, хороший – плохой*) и частная, субъективная (коннотация как субъективный компонент лексического значения, субъективная модальность высказывания и др.). Какую оценку обязательно должны передавать диминутивы и аугментативы? Только субъективную или, возможно, объективную тоже?

Диминутивы и аугментативы субъективной оценки (как правило, они относятся к положительно или отрицательно коннотированной лексике) употребляются в стилистически ограниченных контекстах – в разговорном стиле или в художественной литературе.

Слова с диминутивными и аугментативными аффиксами, содержащие дополнительную сему объективной оценки, могут употребляться за пределами разговорного и художественного стилей, однако они не относятся к межстилевой лексике: такие лексемы, как бел. *малёнькі* ‘маленький’ или *напрацаваць* ‘поработать’ вряд ли можно встретить в тексте научного или официально-делового стиля. Эта выделенная нами черта диминутивов и аугментативов помогает четче их определить (см. таблицу 3).

Согласно В.М.Прието (PRIETO 2005), к факультативным характеристикам слов с диминутивными и аугментативными аффиксами относится то, что они употребляются в ограниченных социальных группах: по отношению к женщинам, детям, среди низших слоев населения, что, по мнению автора, есть дополнительный указатель на распределение власти в социуме.

6. Диминутивы и аугментативы как этнические маркеры

Все сказанное выше позволяет дать детальную дефиницию диминутивов и аугментативов, добавив к ней черту, о которой шла речь ранее: *диминутивы и аугментативы активно используются для подтверждения принадлежности к определенной этно-языковой группе (в нашем случае*

белорусскоязычной), и из них чаще употребляются те, в составе которых есть аффиксы, отличные от других (в нашем случае русского) языков.

Таб. 3: Характеристики диминутивов и аугментативов

<i>Обязательные</i>	<i>Факультативные</i>
<i>Содержат диминутивные и аугментативные морфемы</i>	<i>Передают семантику уменьшения/увеличения</i>
<i>Передают семантику объективной и субъективной оценки</i>	<i>Употребляются в социально ограниченных группах (возрастных, гендерных и под.)</i>
<i>Не относятся к межстилевой лексике, не употребляются в научном или официально-деловом стиле</i>	<i>Употребляются в этнически ангажированном дискурсе</i>

Специфические аффиксы диминутивов и аугментативов белорусского языка выделены в таблице 1 жирным шрифтом. Их употребительность в сравнении с конкурентными аффиксами, сходными с русскими, была проверена посредством психолингвистического эксперимента. Информантов – 86 студентов отделения белорусского языка и литературы филологического факультета Белорусского государственного университета – просили выбрать более подходящую, по их мнению, словоформу из двух возможных.

Якую форму вы абераце ў гутарцы (патрэбнае падкрэсліце)?

домік – дамок	пагуляць – папагуляць
хлеўчык - хляўчук	папісаць – папапісаць
хлопчык – хлапчук	таўшчэнны - таўшчэзны
сардэчка – сэрачка	высачэнны – высачэзны

Были привлечены также данные поисковика Google и архива белорусскоязычной национально ориентированной газеты «Наша ніва»: учитывалось число каждой из конкурентных словоформ по обоим источникам. Результаты эксперимента и подсчетов Интернет-данных представлены в таб. 4.

Таб. 4: Употребительность в белорусском языке диминутивных и аугментативных суффиксов, отличных от соответствующих русских

<i>Лексема</i>	<i>Данные эксперимента</i>	<i>Данные Google</i>	<i>Данные архива «Нашай нівы»</i>
Домік	59	184 000	82
Дамок	3	10 300	200
Хлеўчык	49	528	1
Хляўчук	13	1040	3
Хлопчык	49	307 000	200
Хлапчук	13	13 600	78

<i>Лексема</i>	<i>Данные эксперимента</i>	<i>Данные Google</i>	<i>Данные архива «Нашай нівы»</i>
Сардэчка	47	703	4
Сэрцайка	15	4 260	7
Пагуляў	60	153 000	15
Папагуляў	2	4	0
Таўсценны	23	203	1
Таўшчэзны	39	1 340	16
Высачэнны	41	254	0
Высачэзны	21	1 460	15

Несмотря на крайнюю простоту методики анкетирования и использования корпусных данных, полученные результаты дают почву для некоторых обобщений. Жирным шрифтом в таблице 4 выделены цифры, подтверждающие гипотезу об этнической функции лингвоспецифических диминутивных и аугментативных аффиксов. Можно видеть, что данные психолингвистического эксперимента подтверждают выдвинутую гипотезу для белорусского языка только в одном случае из семи. Из этого следует, что большинство студентов белорусского отделения филфака БГУ не позиционируют себя как белорусскоязычных и не стремятся утвердиться в этом качестве. В данном случае из двух разнонаправленных процессов, обуславливающих выбор номинации: 1) влияние русского языка на механизмы словотворчества; 2) отталкивание от русского языка при создании новых лексем (см. раздел 1), - действенным является первый. По данным поисковика Google, в трех случаях из семи преобладают словоформы с лингвоспецифическим суффиксом. Максимальный показатель – четыре из семи – свойствен газете «Наша ніва» (хотя тексты разговорного и художественного стилей, в которых чаще всего встречаются диминутивы и аугментативы, в газетах не распространены). Это объяснимо: «Наша ніва» активно пропагандирует белорусский язык и культуру.

Употребление диминутивных и аугментативных аффиксов, особенно лингвоспецифических, в роли этнического маркера характерно для многих языков и вариантов языков. Например, в южнонемецких диалектах, в т.ч. швейцарском варианте немецкого языка, очень употребителен уменьшительно-ласкательный суффикс *-le* (< о.-нем. *-lein*), конкурентный нем. литератур. *-chen*: нем. литератур. *das Städtchen* – ю.-нем. *das Städtle*; ю.-нем. *Ländle*; нем. *der Kaffee* – нем. разг. *das Käfchen* ‘кофеечек’ – ю.-нем. *das Kaffeetele*, см. распространенный тирольский и цюрихский завтрак: *das Kaffeetele und das Gipfele* (< *der Gipfel* ‘рогалик’).

Косвенное подтверждение высказанной выше гипотезе – множество этнолингвистических работ, посвященных диминутивам и аугментативам

в экзотических языках: характер языка не в последнюю очередь проявляется в специфических средствах номинации и в оценочной лексике.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВАРБОТ, Ж. – ЖУРАВЛЕВ, А. 1998. *Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии*. Москва.
- ЕФРЕМОВА, Т. 2000. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва.
- ИВАНОВ, К. – СУПРУН-БЕЛЕВИЧ, Л. 2009. *Деминутивы в лексических системах болгарского и русского языков (грамматика и прагматика)*. In: Славянские языки: аспекты исследования. Минск, 121–129.
- КОМЛЕВ, Н. 2006. *Словарь иностранных слов*. Москва.
- PRIETO, V. 2005. Spanish evaluative morphology: Pragmatic, sociolinguistic, and semantic issues. Florida.
- STUMP, G.: How Peculiar Is Evaluative Morphology? *Journal of Linguistics*, vol. 29, № 1, 1–36.

Alena Rudenka
Katedra teoretické a slovanské jazykovědy,
Filologická fakulta Běloruské Státní Univerzity
ul. K.Marxa, 31
220030 Minsk
Bělorusko
<alena@rudenka.com>